

А-Эр, по-видимому, решил, что этого мало, и спустил еще несколько лиан, которые, словно кланяясь всемогущему божеству, устремились к бедной и беспомощной Вэнь Шань.

— Ну же, посчитаем, давай посчитаем.

Голос А-Эр, великого духа глицинии, доносился отовсюду. Вэнь Шань мгновенно притих, затаившись, словно испуганный цыпленок.

Не дождавшись ответа, А-Эр, очевидно, заскучал. Он втянул лианы обратно, оставив лишь один отросток, чтобы продолжать разговор:

— Травушка, маленькая травушка, почему ты никогда не хочешь со мной играть?

— Потому что я еще совсем маленький, — ответил Вэнь Шань.

Услышав это, глициния вытянулась, окинула взглядом свое огромное тело, раскинувшееся на всю галерею, и тут же поникла. Ее фиолетовые лепестки словно разом потеряли цвет, выглядя невероятно удрученно.

— И правда, — протяжно вздохнула она, а затем легонько покачала его листочки. — А когда же ты вырастешь?

— Я никогда не вырасту, — Вэнь Шань печально опустил головку, и белоснежные лепестки плотно сомкнулись. — Кто виноват в том, что я всего лишь полевая трава?

То, что он вообще смог зацвести, уже было величайшей удачей в его жизни. Он покачал стеблем, вновь пытаясь выбраться из цветочного горшка.

Глициния молча наблюдала за его тщетными попытками и тихо прошептала:

— Глупышка, глупышка.

Вэнь Шань не стал спорить. Он действительно был глупцом. Зная, что этот мир — лишь декорации в романе, он все равно не смог удержаться от чувств к одному из его персонажей. С того самого первого взгляда он полюбил этого мужчину — утонченного, благородного и мягкого, словно вода.

В очередной раз потерпев неудачу в попытке сбежать из своей «тюрьмы», он безвольно распластался в горшке, глубоко вздохнул и принялся за привычную, ежедневную практику.

С тех пор как он попал в этот мир, Вэнь Шань научился поглощать Эссенцию Солнца и Луны и

освоил методы культивации, которым его обучили маленькие духи. Он лелеял мечту однажды принять человеческий облик и отыскать того самого мужчину — того, кто принес его в это поместье, но с тех пор ни разу даже не взглянул на него.

Наступила ночь. Небо, усыпанное мириадами огней, украсила небесная река, присущая лишь Миру Богов. Она тянулась через весь небосвод, словно серебряная лента.

А-Эр, кажется, уснул. Вокруг царила тишина, и лишь Вэнь Шань продолжал бодрствовать, вглядываясь в даль. Сегодня культивация не шла. Он вспомнил слова маленького духа:

— С твоими задатками, чтобы принять человеческий облик, тебе, боюсь, понадобится не одна тысяча лет. Если бы не капля бессмертной энергии от самого Господина, ты бы и за десять тысяч лет не смог стать человеком.

Тысяча лет... Для него это было слишком долго. Сможет ли он вообще прожить в этом мире так долго?

Настроение Вэнь Шаня стало совсем паршивым. Потеряв всякое желание практиковаться, он сник, согнул стебелек и «присел» на край горшка, подперев голову — крошечный белый цветок — парой листочков.

Он просидел так долго — пока время не застыло, пока не забрезжил рассвет, пока его не начало клонить в сон. И тут он внезапно услышал мягкий голос:

— О чем ты думаешь?

Мужчина был облачен в длинные одежды цвета слоновой кости с широкими рукавами, на которых серебряной нитью были вышиты бамбуковые листья. Он стоял прямо, высокий и статный, подобно молодому бамбуку.

Вэнь Шань, не задумываясь, ответил:

— Я думаю о том, когда же он наконец придет.

— Кто он?

— Тот мужчина, который принес меня сюда.

Он ответил, решив, что это спрашивает А-Эр, и, даже не оборачиваясь, вздохнул:

— Я так сильно, так сильно его люблю. Но он никогда не приходит сюда. Цзы-цзы, как

думаешь, может, я ему не нравлюсь?

(Цзы-цзы — это и было имя великого духа глицинии).

После его слов голос за спиной словно растворился. Вэнь Шань не нашел в этом ничего странного: А-Эр вечно пропадал и появлялся, кто знает, когда ему взбредет в голову заговорить.

Но в этот раз все было иначе. Он услышал легкий смешок, нежный и до боли знакомый — голос того самого человека.

— С чего ты взял, что ты ему не нравишься?

Вэнь Шань замер. Его тело одеревенело, и он, словно сломанный механизм, медленно обернулся.

Мужчина стоял неподалеку. Его высокая фигура отбрасывала тень в лучах утреннего солнца. Его взгляд был нежен, а на губах играла улыбка, в которой, казалось, отражались тысячи звезд.

Вэнь Шань смотрел на него во все глаза. В один миг он перестал понимать, что чувствует. Он знал лишь одно: его сердце, охваченное волнением, рвалось наружу. Дрожа, но с невероятной решимостью, он протянул свои нежные листочки.

Одинокая травинка раскрыла два листа, словно ребенок, просящийся на ручки. Цветок распустился, и в его тонком, радостном голоске звучало счастье:

— Я знал, что я тебе нравлюсь! Господин, обними меня!

Мужчина смотрел, как маленькая травинка изо всех сил тянется к нему, как она, не жалея стебля, наклоняется так сильно, что горшок даже качнулся. Он сделал несколько шагов вперед и коснулся пальцем одного из листочков.

Вэнь Шань в полном блаженстве обхватил его указательный палец, прижался цветком к теплой коже, ощущая нежность, подобную шелку, и довольно потерся о нее. Его радость была настолько осязаемой, что, казалось, наполнила собой все вокруг.

А-Эр вытянул ветвь, и гроздь фиолетовых цветов потянулись к мужчине, радостно восклицая:

— Господин, Господин, я тоже тебя люблю! Ты можешь обнять меня?

— Тише, не балуйтесь, — с улыбкой отказал мужчина, но не отстранился от Вэнь Шаня, продолжая нежно поглаживать его лепестки.

Вэнь Шань, довольно обнимая палец, сказал Цзы-цзы:

— Вот именно, не балуйся! Посмотри на свою форму, как Господин сможет тебя обнять? То ли дело я — маленький, послушный и милый!

Травинка задрожала, покачиваясь из стороны в сторону, пытаясь привлечь еще больше внимания. Мужчина невольно рассмеялся. Такие неуклюжие попытки делали его только милее.

Он провел подушечкой пальца по листу Вэнь Шаня, слегка покачал его и мягко произнес:

— Хороший малыш, пора отпустить.

Вэнь Шань немного расстроился, но, поразмыслив, с сожалением разомкнул листья. Он потерял друг о друга, словно человек, который трет ладони, и это выглядело донельзя трогательно.

— Господин, я отпустил, — прошептал он и добавил: — А ты можешь меня полюбить?

Не дожидаясь ответа, он выгнул листья, подбоченился, как человек, и, вскинув свою белоснежную головку, на ветру прокричал изо всех сил:

— Мне все равно! Господин, ты обязан меня полюбить!

Пальцы мужчины дрогнули. В сердце словно что-то упало — легкий зуд, который исчезал, если попытаться к нему прислушаться. Он посмотрел на травку, которая с надеждой заглядывала ему в глаза. В его чернильных глазах читалась такая мягкость, словно чистый родник пролился в самое сердце маленького растения.

Словно под влиянием чар, он погладил Вэнь Шаня по головке:

— Хорошо.

Этот голос прозвучал как небесная музыка, как буддийская мантра, что озаряет поле битвы среди руин и заставляет цветы распускаться даже на пропитанной кровью земле.

Вэнь Шань задрожал от восторга. У него не было сердца, но он чувствовал, как внутри что-то ликует, переполняя его счастьем.

— Я знал, что я у Господина самый любимый! — Вэнь Шань ухватился за рукав мужчины, ластясь к нему. — Я тоже люблю Господина, очень-очень сильно!

Неизвестно, было ли это влияние его истинной природы, но, несмотря на стыд, слова сами срывались с его уст. Он был словно одержим, в его глазах отражалась каждая улыбка этого человека. Мужчина был огнем, а он — глупым мотыльком, что, дрожа крыльями, летел прямо на пламя, зная об опасности. Но в этой жизни у него не было другого способа привлечь внимание — ведь он был всего лишь травой. Низкой, никчемной травой.

Сердце Вэнь Шаня сжалось от печали, но прежде чем он успел погрузиться в это чувство, раздался недовольный голос глицинии:

— Дурак! Это Господин любит меня больше всех!

Вэнь Шань не поверил. Разве мужчина, которого он полюбил, может быть таким ветреным?

— Не слушаю! Господин любит только меня!

Глициния не сдавалась:

— Меня! Меня! Господин раньше говорил, что я его любимица! Он обещал, что когда я вырану и приму человеческий облик, он оставит меня при себе растирать тушь!

Вэнь Шань с недоверием поднял голову, глядя в мягкие глаза мужчины. Он не мог представить, что тот способен на такое! Ему стало горько.

— Не слушаю!

— Ха! Глупая трава, бесстыдник! Ты уродливый, маленький и без цветов, Господин тебя не полюбит! Бе-бе-бе!

Слова глицинии ударили, как гром среди ясного неба. Вэнь Шань застыл, разжал пальцы на рукаве и замер в горшке, словно окаменев.

Он уродлив?

Вэнь Шань вспомнил, кто он в этом мире. Обычная трава у дороги, в то время как этот человек — небожитель, чья красота захватывает дух. Он смотрел на него снизу вверх, и его листочки не могли коснуться даже края одежды. Он чувствовал себя брошенным зверенышем, готовым заползти в темный угол и зализывать раны.

Он не был великим духом глицинии, у него не было пышных цветов, дивного аромата или прекрасного облика. На самом деле, с тех пор как он здесь появился, он был лишь невзрачной травинкой.

Слово «уродливый» пронзило его, словно ледяной кинжал. Он опустил голову, его цветок сжался в плотный бутон, похожий на одинокую, дрожащую на ветру травинку.

Мужчина тихо вздохнул и, подняв взгляд, укорил глицинию:

— Не балуйся. Извинись перед малышом.

Глициния помолчала, осознав, что ранила Вэнь Шаня, и осторожно потянулась к нему:

— Прости, я не нарочно...

Вэнь Шань увернулся, отвернувшись от нее «затылком».

— Я не злюсь.

Он злился лишь на свою слепоту, на свое ничтожное положение и на А-Эр, который спал целых десять лет.

Глициния в растерянности посмотрела на мужчину:

— Господин...

Мужчина снова вздохнул, поднял горшок с Вэнь Шанем и, бережно прижимая его к себе, прошептал:

— Ну же, не злись, хорошо? Хочешь, я возьму тебя с собой на прогулку?

Бутон Вэнь Шаня слегка приоткрылся. Как ребенок, который дует, но уже готов простить, он сделал вид, что все еще упрямится, выглядя при этом донельзя жалко и мило.

Мужчина улыбнулся:

— С тех пор как ты попал в Мир Богов, я был занят войной и не мог уделить тебе внимания. Это моя вина. Теперь, когда между мирами Богов и Демонов наступило столетнее перемирие и в Мире Богов воцарился покой, я хочу осмотреться. Составишь мне компанию?

Бутон раскрылся еще шире. Вэнь Шань сдержанно спросил:

— Только мы вдвоем?

В глазах мужчины заплескалась нежность, в которой можно было утонуть.

— Разумеется.

Вэнь Шань распустил все лепестки и радостно затряс головкой, всем своим видом излучая счастье:

— Это просто замечательно! Господин, я люблю тебя! Чмок!

Мужчина слегка покраснел и кашлянул:

— Не балуйся. Ты еще слишком мал, что ты понимаешь в любви?

Вэнь Шань не согласился:

— А что тут понимать? Я просто знаю, что люблю Господина! Господин, Господин! Люблю Господина!

— Ой, кстати, Господин, я так долго здесь, но до сих пор не знаю, как тебя зовут. Скажешь мне?

Мужчина на мгновение запнулся, невольно крепче обняв горшок. В его взгляде промелькнула тень.

— Меня зовут Сы Юэ.

Это имя ударило Вэнь Шаня, как молния.

Простите, как ты сказал?

Возможно, опасаясь, что Вэнь Шань не расслышал, Сы Юэ повторил:

— Сы — как в «управлять», Юэ — как в «музыке».

Вэнь Шань был в замешательстве. Сы Юэ? Сы Юэ? Черт возьми, разве имя главного героя не

Сы Юэ? Если бы он не был сейчас на руках у Сы Юэ, он бы очень хотел перечитать сюжет.

Ему стало совсем худо. Его несли из поместья, и напоследок он взглянул на название — Храм Бога Войны.

Вэнь Шань: «...»

Прекрасно. Сы Юэ действительно главный герой. Кто, кроме него, мог жить в Храме Бога Войны?

Вэнь Шань окончательно приуныл, и даже прогулка по Миру Богов не принесла ему радости. Сы Юэ поначалу не заметил его грусти, но, вернувшись домой после дел, увидел, что его маленькая травка совсем поникла.

Он опустил взгляд и увидел, как на маленьких лепестках блестят капли росы, которые, скатываясь, падали на землю в горшке. Сы Юэ не мог понять причину, но знал, что малышу плохо, и начал гладить его, пытаясь утешить.

— Ну-ну, не плачь.

Вэнь Шань чувствовал прохладные пальцы мужчины на своей головке, и ему становилось лишь горше. Он полюбил главного героя этого мира. А задание, которое дал ему А-Эр, — свести главного героя с главной героиней!

Разве может быть что-то хуже, чем собственноручно надевать на себя рога? Его сердце болело, и когда он услышал ласковый голос Сы Юэ, стало еще больнее. Эта нежность предназначалась ему, но он не мог ею обладать. В будущем ему придется самому отдать эту нежность другой, даже если сердце будет рваться на части.

Вэнь Шань плакал, и капли, словно родниковая вода, падали в горшок, смачивая землю. Сы Юэ вздохнул, поднял горшок и поцеловал его в самую сердцевину цветка.

— Малыш, не плачь. Если будешь плакать — я разлюблю тебя.

Голос мужчины был по-прежнему прекрасен. Вэнь Шань задохнулся от неожиданности, лепестки сжались, и он, прикрываясь листиками, как руками, сжался в крошечный комочек.

Он... он... он поцеловал меня...

Вэнь Шань был в оцепенении. Он до сих пор чувствовал прикосновение — мягкое, нежное, горячее, от которого все тело начинало гореть. Он даже не расслышал, что мужчина сказал дальше.

Травка, свернувшаяся в клубок, тихо пропищала:

— Тогда... Го-Господин. Если я не буду плакать, ты исполнишь мою просьбу?

Сы Юэ улыбнулся, его глаза сияли, как луна в ночи, отражая Вэнь Шаня в своей бездонной нежности. Он был заинтригован и, улыбаясь, поддел пальцем листочек Вэнь Шаня.

— Чего ты хочешь?

Сы Юэ был удивлен. Он встречал таких чистых и милых созданий, как Вэнь Шань, но не ожидал, что такой ребенок прямо и без обиняков заявит о своих амбициях.

Он сказал:

— Я хочу... я хочу принять человеческий облик. Господин, ты можешь мне помочь?

Вэнь Шань застенчиво заерзал листочками и с надеждой вскинул белый бутон. Хотя у него и не было лица, Сы Юэ вдруг показалось, что он видит пухлого подростка с сияющими глазами, который смотрит на него, как щенок, выпрашивающий еду.

Не дождавшись ответа, Вэнь Шань занервничал. Поразмыслив, он решился и направил всю свою культивацию на то, чтобы создать новый цветок. За десять лет практики у него было совсем немного сил.

Когда он потратил всю свою энергию ради нового цветка, даже мягкий Сы Юэ не смог сдержать досады. Мужчина посмотрел на два крошечных цветка размером с ноготь на голове травки и нахмурился.

— Не балуйся! Зачем ты тратишь свою культивацию?

Вэнь Шань почувствовал обиду. Он так старался вырастить новые бутоны, хотел подарить их Господину, а тот вместо благодарности лишь отчитал его. Ему стало так горько, что он поник, и слезы одна за другой потекли из сердцевины цветка.

— Я... я... — в его тонком голоске дрожали слезы. — Я просто хотел подарить тебе цветы. Господин, не злись, я больше никогда так не буду.

Вэнь Шань, вытирая слезы, решился и отрезал второй цветок. Он сделал это так быстро, что Сы Юэ не успел среагировать. Когда он опомнился, Вэнь Шань уже протягивал ему белоснежный цветок.

Сы Юэ замер. В его глазах отражалась дрожащая фигурка Вэнь Шаня. Цветок, находившийся прямо перед ним, был подобен чистому лотосу, распустившемуся посреди кровавой реки. Чистый, невинный. В этом мире не было ничего прекраснее, чем этот цветок в его руках.

Сы Юэ, словно под гипнозом, принял его. Он боялся раздавить хрупкое чудо, поэтому держал его очень осторожно. Он посмотрел на Вэнь Шаня, которого прижимал к груди, и долго молчал. В конце концов, он лишь тяжело вздохнул, не став больше ругаться.

В этом вздохе Вэнь Шань почувствовал такую нежность, что сердце пронзила боль.

— Я знаю.

<http://bllate.org/book/21526/2210376>